

Н. Вержбицкий

В годы первой революции

Куприн любил море.

— Море, – говорил он, – привлекает меня безграничным простором и своевольными капризами. В море человек остается наедине с небом и водой — безмолвными свидетелями и человеческой слабости, и человеческой отваги.

Куприна, уроженца сухопутной Пензенской губернии, потянуло к морю сейчас же после того, как он расстался с армией.

Из Киева, где он обосновался на первых порах, он направился сперва в Одессу, а потом в Крым. В Крыму сблизился с Чеховым, Буниным, познакомился с Горьким, Гариным-Михайловским, Телешовым. Старшие товарищи встретили его здесь с большим вниманием, помогли установить хорошие литературные связи. С тех пор Куприн на всю жизнь полюбил Крым и всегда вспоминал о нем с волнением и любовью.

В 1904 году, поездив по России, пожив в Петербурге и Москве, Куприн снова приехал в Крым и поселился в Балаклаве — небольшом поселке в нескольких километрах от Севастополя.

Балаклава как курортнисколько не интересовала его. Писатель рассчитывал в тихие зимние месяцы вплотную засесть за «Поединок» и приготовить рукопись для сдачи ее Горькому, в очередной сборник «Знания».

Кроме того, ему очень пришлось по душе местные жители (рыбаки — греки и русские), с которыми он быстро сблизился.

«...Полюбилось мне, – писал он много лет спустя, – каждую осень, до ранней зимы, болтаться с балаклавскими рыбаками по Черному морю.

Был я тогда еще молод, достаточно силен и вынослив, мог грести без усталости и умел, еще по военному навыку, беспрекословно починяться приказанию старшего на баркасе. Вскоре балаклавские рыбаки со мною освоились и как бы усыновили меня» («Мыс Гурон»).

Куприн до такой степени полюбил Балаклаву, что даже решил поселиться здесь и для этого приобрел небольшой участок земли, на котором посадил деревья и развел виноградник.

О балаклавских рыбаках Куприн написал очерки («Листригоны») — настоящую поэму о море и о мужественных людях, которые умеют спокойно переносить невзгоды и привыкли к опасностям.

В той же маленькой и тихой Балаклаве писателю пришлось встретить грозные события 1905 года и участвовать в них не только в качестве наблюдателя.

Есть даже сведения о том, что он заявил о своем желании принять командование восставшим броненосцем «Потемкин». Об этом упоминает Горький в письме к писателю Е. Чирикову.

В середине ноября в Севастополе вспыхнуло восстание черноморских моряков, центром которого стал крейсер «Очаков».

Куприн, находившийся в это время в Балаклаве, узнал от приехавших из Севастополя, что в городе происходят события: матросы на крейсере подняли красный флаг, а вице-адмирал Чухнин отдал приказ — расстрелять крейсер из тяжелых береговых орудий.

Куприн тотчас отправился в Севастополь. Потрясенный увиденным, он в тот же день написал и послал в Петербург, в редакцию газеты «Наша жизнь» большую корреспонденцию, которую и сейчас нельзя читать без волнения.

В ней рассказывалось о том, как заживо сгорали матросы «Очакова», превращенного в пылающий костер, как у берега били прикладами моряков, решивших спастись вплавь, как стреляли картечью по катеру, пытавшемуся оставить раненых на берег.

Глубоко возмущенным, гневным протестом, душевной болью и горечью звучали слова Куприна:

«Мне приходилось в моей жизни видеть ужасные, потрясающие, отвратительные события... Но никогда, вероятно, до самой смерти не забуду я этой черной воды и этого громадного пылающего здания, этого последнего слова техники, осужденного вместе с сотнями человеческих жизней на смерть сумасбродной волей одного человека».

Статья появилась в печати 1 (14) декабря. По распоряжению правительства номер газеты с этой статьей был немедленно изъят и уничтожен. Но сведения об этом, очевидно, дошли до Севастополя с опозданием, так как спустя пять дней 6 (19) декабря Куприну было разрешено выступить в помещении севастопольского зимнего городского собрания на концерте, устроенном одной из крымских революционных организаций.

Куприн прочел монолог Назанского из романа «Поединок». Он, как известно, кончается гневными словами, обращенными ко всему русскому офицерству:

«Давно уже, где-то вдали от наших грязных, вонючих стоянок (так Назанский называет армейские казармы), совершается огромная, новая, светозарная жизнь. Появились новые, смелые, гордые люди, загораются в умах пламенные, свободные мысли... А мы, надувшись, как индийские петухи, только хлопаем глазами и надменно болбочем: «Что? Где? Молчать! Бунт! Застрелю!»... И вот этого-то индюшачьего презрения к свободе человеческого духа нам не простят во веки веков!»

По свидетельству писателя В. Боцяновского, присутствовавшего в зале, «чтение Куприна произвело впечатление исключительное. В то время как одна часть публики бурно аплодировала и устроила овацию автору, другая часть, которую составляли «господа офицеры», громко негодуя, покинула зал».

Боцяновский говорит, что будто бы распорядитель вечера генерал-майор в отставке Лескевич не мог скрыть своего возмущения. «“Вы, – обратился он сердито к Куприну, – подвели меня, милостивый государь! Вы оскорбили все офицерство, вы черт знает что читали!” Выслушав негодующую речь генерала, Куприн спокойно ему ответил: “Если господа офицеры чувствуют себя оскорбленными, я готов дать им удовлетворение”. — «“Драться?! Я сам буду с Вами драться”, – петушился генерал».

На другой день после выступления Куприна вице-адмирал Чухнин отдал приказ о высылке писателя из пределов севастопольского градоначальства в 24 часа. Одновременно он привлек Куприна к уголовной ответственности за опубликование корреспонденции, «направленной к несправедливому опорочению должностного лица».

Еще до выселения из Балаклавы Куприну с большим для себя риском удалось спасти от преследования жандармов группу матросов-очаковцев, добравшихся вплавь до берега.

Из конспиративной квартиры революционерки Е. Левенсон, оказавшей Куприну полное доверие, он помог матросам незаметно выйти за черту города и скрыться под видом рабочих в имении композитора Бларамберга, сочувствовавшего освободительному движению. Там очаковцы пробыли две недели и затем, получив паспорта, разъехались в разные стороны.